

Дарвинизм и христианское видение проблемы зла

Наш мир был задуман прекрасным. Книга Бытия повествует о том, что Бог, сотворив все за шесть дней, был доволен полученным результатом: “И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма” (Быт. 1:31). Даже сегодня мы можем наблюдать отблески той первозданной гармонии... Но мир неузнаваемо изменился. Боль и страдание стали неотъемлемой частью нашей жизни. Люди теряют своих близких в результате эпидемий, войн и катастроф. Многие задают вопрос: если Бог действительно есть, и Он всесилен и добр, почему Он не остановит весь этот кошмар?

На протяжении истории многие мыслители пытались ответить на этот насущный вопрос, который в христианском богословии получил название теодицеи, или, в переводе с латыни, оправдания Бога. Некоторые настаивали на том, что допускаемые Богом страдания имеют целью воспитание характера грешника. Другие утверждали, что человечество таким образом пожинает плоды первородного греха. Свой вариант ответа на проблему теодицеи предложил и натуралист 19 века Чарльз Дарвин, который известен как создатель теории эволюции.

Многие ошибочно считают Дарвина человеком, далеким от религии. На самом деле он прекрасно понимал, что его ответ лежит в сфере богословия. В какого Бога верил Дарвин? В Европе того времени многие люди придерживались так называемого “естественного богословия” – веры в то, что Бог управляет миром с помощью физических законов и не вмешивается в историю непосредственно. Одним из активных пропагандистов “естественного богословия” был Уильям Палей, считавший сложность устройства Вселенной лучшим доказательством существования Бога. “Бог – это часовщик, сконструировавший мир как огромный механизм со многими взаимосвязанными деталями,” – это именно его идея, которую до сих пор используют апологеты-креационисты. У Дарвина, воспитанного на системе взглядов

этого богослова, все же оставались неотвеченные вопросы. Несомненно, в мире ежедневно происходит множество несправедливости, но если катастрофы, эпидемии и войны ещё можно списать на чью-то злую волю или случайность, то наибольшее возмущение вызывает так называемое «естественное» зло. Неужели Богом также задумано от начала, что хищники созданы для пожирания добычи, а растения-паразиты – для жизни за счёт своих носителей? Сомнения в доброте и всемогуществе такого Божества начали разъедать веру Дарвина.

Одним из опасных компонентов той мировоззренческой смеси, которая привела к созданию теории эволюции, стали взгляды священника Томаса Мальтуса. Мальтус рассматривал мировую историю как борьбу за ограниченные ресурсы. В этой борьбе выживают только самые сильные и приспособленные. Бог использует катастрофы, эпидемии и войны, чтобы регулировать численность населения планеты, и то, что люди со своей ограниченной точки зрения воспринимают как трагедию, на самом деле является милостивым провидением Всевышнего для глобального выживания человечества. Предложенный Мальтусом вариант решения проблемы теодицеи трансформировался у Дарвина в механизм “естественного отбора,” позиционировавшийся как главный двигатель человеческого прогресса.

В библейской истории человечество деградирует под разрушительным влиянием силы греха. По версии Дарвина, человечество, эволюционируя, прогрессирует: мутации и естественный отбор обеспечивают лучшим из лучших место под солнцем. В такой теории проблема зла исчезает по определению – поступки индивидов не могут классифицироваться как моральные или аморальные, поскольку с субъективной точки зрения хорошо всё, что способствует выживанию. Если ситуация складывается благоприятно, нужно занять доступную нишу с ресурсами, пока её не занял кто-то другой. Такова, по Дарвину, суровая правда жизни в этом мире, лишённом непосредственного присутствия Творца. Теория эволюции бросила вызов традиционной теодицее: если Бог использует такие механизмы для выживания

человечества, что это может сказать нам о характере Божества? Благ ли Он? Заинтересован ли Он в Своём творении вообще? Как утверждает Дэвид Халл, “Бог, допустивший такой кавардак, должен быть по меньшей мере беспечным, безразличным, почти дьявольским... Это не тот Бог, которому захотелось бы молиться” (“Бог Галапагосских островов”).

Теория Дарвина стала серьезным подспорьем для псевдонаучной в то время сравнительной антропологии, занимавшейся исследованием физических и умственных возможностей представителей разных рас. Нет, Дарвин не был основоположником расизма, но он допускал мысль, что туземные народности в различных частях мира, живущие племенным строем, недалеко ушли в развитии от своих обезьяноподобных предков. Эта идеологическая бомба, соединенная с философской идеей Ницше о сверхчеловеке, сработала позже в нацистской Германии, искалечив миллионы жизней ни в чем не повинных людей. Трагедии XX века поставили вопрос теодицеи перед верующими ещё более остро, скомпрометировав идею Бога, действующего лишь через законы природы.

Но приблизительно в то же время, когда Дарвин опубликовал свою книгу *Происхождение видов* (1859), в другой части света, в Америке, христианская писательница Эллен Уайт начала работать над концепцией теодицеи, которая согласовалась с Библией и давала более адекватный ответ на вызовы времени. Идея вселенской борьбы между добром и злом, в которую вовлечено человечество, впервые появилась в сборнике *Духовные дары* (1858) и была доработана в отдельной монографии «*Великая борьба между Христом и Сатаной в течение христианской эры*» (1888). Великая борьба в её понимании не означала борьбу человечества за выживание. Великая борьба началась с восстания на небесах сияющего херувима Люцифера, проявившего недовольство Божьим правлением. Люцифер начал собирать сторонников для того, чтобы свергнуть Бога и занять Его место, но восстание закончилось провалом. Бог не мог мгновенно истребить мятежника, поскольку нужно было, чтобы

разрушительные плоды непослушания стали явны для всей Вселенной. Поэтому злу было позволено существовать. Сатана избрал своей резиденцией планету Земля: прародители человечества, обманутые им и нарушившие Божий запрет, поневоле примкнули к сторонникам падшего херувима. С этого времени история человечества наполнилась болью, страданием и смертью – естественными последствиями греха.

Грех искажил порядок вещей на некогда совершенно задуманной Богом планете. Апостол Павел с сожалением пишет о происходящем: “Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего” (Рим.8:22, 23). Доверие к Священному Писанию и тщательное сравнение его текстов помогло бы Дарвину справиться с сомнениями. Бог не творил животных хищниками (см. Быт.1:30), но искажающая сила греха произвела изменения в их организмах (см. Быт.6:12). Даже человеку разрешено было употреблять в пищу мясо после потопа (Быт.9:2-4). Однако несмотря на глобальные изменения в порядке вещей, Бог не перестал любить пораженную грехом планету. Как доказательство этого он послал Своего Сына Иисуса Христа как заместительную жертву за грехи человечества. Благодаря смерти на Голгофе была одержана победа над сатаной и оправдано Божье правление. Но окончательное избавление от греха наступит в неопределенном скором будущем, когда Христос во славе вернётся второй раз, воскресит и преобразит праведников, а деятельности сатаны и его приспешников положит конец.

Теодицея через концепцию великой борьбы, предложенная Эллен Уайт, выглядит теологически более адекватно, чем теория Дарвина. Бог в ней не капризный тиран и не отстранённый часовщик, а любящий Отец. Бог не ответственен за зло и тем не менее делает всё, чтобы решить эту вселенскую проблему. Человечество не оставлено безвольной игрушкой в руках бушующих стихий. Такая теодицея позволяет с надеждой смотреть в будущее. А какой ответ кажется более обоснованным для тебя?

Богдан Коваль, докторант теологии университета Эндрюса (США)